

Когда пришло время пробудить его, он был уже мертв.

— Как это возможно? — спросил модерати Тарсес.

Всю свою жизнь Тарсес провел в окружении невозможного. Сами махины, сражения, которые они устраивали, ковчеги, что несли их, способ их выгрузки, песнь манифольда — все это величины, лежащие вне уютного мирка обычного человека. Для Тарсеса они были обычным делом. Но смерть — смерть казалась делом невозможным.

Они пришли пробудить его, сломать освященные печати гиберкойки и осторожно вывести его жизненные системы из анабиоза, но нашли его мертвым.

— Как это возможно? — спросил Тарсес. Он помнил четко и ясно, как задавал этот вопрос, — задавал спокойно, как модерати требует провести обычную проверку систем.

— Похоже, что, несмотря на наши усилия, он скончался от ран, — ответил магос органос. — Заявление: мы скорбим о его потере. Легио Инвикта будет скорбеть о его потере.

— Я не понимаю, — твердил Тарсес, — как это возможно? Этого не может быть! Вы держали его в анабиозе с полной реанимацией, под наблюдением и со всем необходимым оборудованием.

— С самым лучшим уходом и постоянным наблюдением на молекулярном уровне, — уточнил магос органос. — К сожалению, как бывает иногда в случае тяжелых травм, мы...

— Дайте мне взглянуть на него, — перебил Тарсес.

Тарсес глянул вниз. Восходящие потоки воздуха трепали полы мантии. В черной пропасти под ногами загорались и гасли мерцающие огоньки. Одни — мигающие в ряд световые указатели, другие — ходовые огни небольших лоцманских судов, ведущих осторожно опускающийся посадочный модуль. В двух километрах ниже, неторопливо, словно лепестки гигантского цветка, в крыше цилиндрической башни раскрывались люки, выпуская золотистый свет. Будто смотришь в жерло медленно пробуждающегося вулкана.

Тарсес попытался вспомнить название. Антиум, вот как. Это место называется Антиум — огромная база фабрикаторов.

Внизу наступила ночь, и гигантский завод, величиной с приличный город, накрыла тьма. Но это была не настоящая ночь, это была огромная тень от садящегося модуля, который закрыл собой солнце Ореста.

Бури придут позже. Корабль таких размеров не может пройти сквозь атмосферу мира без последствий, неважно, насколько медленно и аккуратно он будет опускаться. Стоя на открытой

сетчатой платформе, закрепленной под брюхом левиафана, Тарсес ощущал запах озона и слышал хлопки и вой возмущений разрываемой атмосферы.

Далеко внизу включились сирены: выходили крановые суда, чтобы начать выгрузку.

Сирены были тоненько и печально, словно оплакивали кого-то.

Они пришли пробудить его, а он был мертв.

— Как это возможно? — спросил Тарсес.

Гиберкойка была открыта, и оттуда шел сладковатый запах разложения. Сервиторы вычерпывали суспензионное желе, но магос органос приказал им остановиться, чтобы Тарсес мог подойти и заглянуть внутрь.

Тарсес вспомнил, как смотрел на зубы, оскаленные в застывшей гримасе, и глаза, крепко зажмуренные и залитые остатками желе.

— Начинайте экстренную реанимацию, — приказал он, отворачиваясь.

— Слишком поздно, модерати, — возразил магос органос. Его звали Керхер.

— Начинайте...

— Слишком поздно, — настойчиво повторил магос. — Мы проводили экстренную реанимацию восемь раз и вдобавок подстегивали жизненно важные органы при помощи шунта, имитирующего БМУ. Больше мы сделать ничего не можем.

Керхер. Магоса органос звали Керхер. Тарсес не взял эти данные из ноосферы. Ни одного модерати не модифицировали под интерфейс ноосферы, чтобы не было конфликтов с непосредственным штекерным подключением к манифольду. Модерати входили в экипажи махин, а все члены экипажа подключаются штекерно.

Магос органос назвал свое имя, когда пришел к Тарсесу. Керхер. «Мое имя Керхер, — сказал он. — Я из гибернавтики. Мне нужно поговорить с вами. Я принес ужасную весть».

Выгрузка началась. Крановые суда, словно летающие острова, словно каркас из металлических ферм, собрались вокруг огромных воющих энергоустановок модуля. Восходящий поток воздуха усилился настолько, что края одеяния захлопали и Тарсес крепче ухватился за ограждение платформы.

Керхер. Магоса органос звали Керхер. Керхер пришел пробудить его — и обнаружил его мертвым.

— Как это возможно? — спросил модерати Тарсес.

— Резкое ухудшение состояния? — наступал он, сознавая, что повышает голос. — Отказ органов? Но органы ведь наверняка можно пересадить? Я не понимаю, что вы мне говорите! Механикус неподвластен обычной смерти! Как он может быть мертв?

— Он мертв, — настаивал магос органос Керхер.

— Но...

— Не из-за чего-то конкретного. Весь организм. Ранения, которые он получил на Таре, были критическими. Он...

Я был там — в самом пекле, ты, жалкий человечек. Я был рядом с ним, когда он получил эти ранения, выкрикивал приказы, глядел на счетчик заряжающего автомата, следил за ауспиком, рычал рулевому, чтобы лег на другой галс. Густые джунгли, вражеская махина, рванувшая прочь, словно белый призрак, сквозь туман, и вывернутые с корнем деревья. Как быстры эти эльдарские махины, как быстроноги и легки: словно насмешка над «Виктрикс», насмешка над ее непоколебимой поступью. Мы держались, наши пустотные щиты поглощали все, что танцующий враг извергал в нас. Они были быстрыми, но хрупкими, и нам был нужен всего один точный выстрел, один точный выстрел деструктора. Неотступная «Виктрикс» — медлительная, тяжелая, но могучая убийца по сравнению с эльдарской машиной. Один выстрел. Один точный выстрел.

Мы были в пикосекунде от поражения цели, когда щит лопнул. Сенсори Нарлер закричал со своего места:

— Щит сбит, щит сбит!

Я помню, как он кричал.

Эльдарский луч трепанировал «Виктрикс». Он вскрыл внешнюю обшивку, промежуточную, внутреннюю подкожную, разбрасывая во все стороны раскаленные добела осколки и крупные капли расплавленного металла. Верхние комплексы фронтальной оптики взорвались густым ливнем искр. Нарлер потерял левую руку до локтя. Гилога, фамулюса, разрезало надвое в поясе. Задние переборки кабины лопнули, когда луч прошел насквозь и убил техножреца Солиума в кормовом отсеке. А потом взорвались задние черепные генераторы.

Луч прошел мимо, но взрывом его достало. Осколки и куски металла из затылка хлестнули, словно бритвенно-острый ураган, разбив заднюю часть раки, срезав ведущие штекерные

жгуты, центральную магистраль БМУ и выбросив фонтан амниотики.

Через связь с БМУ ударила боль. Настолько сильная, что мне пришлось выдернуть штекеры, чтобы она меня не убила.

Я закричал:

— Принцепс! Мой принцепс!

— Я был там, — сказал Тарсес магосу органос. — Я был там, на Таре. Я знаю, какие ранения он получил.

— Тогда вы поймете, модерати, — произнес Керхер.

Керхер.

— Я не понимаю, — сказал Тарсес. — Он должен быть жив. Вы держали его в анабиозе с полной реанимацией, под наблюдением и со всем необходимым оборудованием. Долгого сна от Бельтрана должно было хватить.

— Мы думали так же, но ошиблись, — ответил магос органос. — Как будто там, в стазисе, он потерял желание жить. Ушел из жизни, не желая больше чувствовать боль смертного существования.

Магоса органос звали Керхер.

Крановые суда доставили «Доминатус Виктрикс» в цилиндрическую фабрикационную башню. Клетка из лесов ждала, чтобы обнять и приковать его титаническую фигуру. Когда он опустился, пневматические амортизаторы натужно выдохнули, и сервиторы принялись карабкаться по его корпусу, отсоединяя грузовые тросы.

Тарсес покинул модуль на челноке один. Челнок пристроился за подмигивающим лоцманским катером и устремился вслед за его сигналом в черную бездну, мимо дорожек световых указателей, в недра Антиума.

С ним никто не разговаривал. Орестские магосы, достававшие инструменты из тележек и вызывавшие ноосферные спецификации, чтобы приступить к ремонту, видели выражение его лица. Тарсес взбирался по лестницам, поднимался в клетки вдоль лесов, слыша хлопки и шипение работающих механических инструментов, видя вспышки и призрачный свет уже начавшихся сварочных работ.

Добравшись до верха, он перешел по выдвинутому переходу к заднему черепному люку.

На мостике было невообразимо холодно. Во время перехода «Виктрикс» путешествовала в пустотном трюме. На всех поверхностях таяла изморозь. Тарсес шагнул внутрь.

Весь его мир был сосредоточен в этом месте, избранном им и предназначенном для него: зал с разноуровневым полом, круговой проход, командные кресла — модерати, рулевого, сенсоры, — установленные в подбородке, амниотическое гнездо для принцепса на возвышении позади. Оторванные и перебитые кабели свисали до самого пола. Жесткую обшивку усеивали пятна высохшей крови. На мостик заглядывало фальшивое ночное небо. Тарсес поднял голову. Разорванный металл, пропоротый до внутренней обшивки, отгибался наружу. Повсюду виднелись пробоины: в древней богатой красной кожаной обивке командных кресел, в палубе, в крыше, в пультах. Некоторые экраны расколоты, некоторые разбиты.

Он положил руку на спинку кресла. Оно было холодным на ощупь. Он провел правой рукой по спинке сзади. Все еще больно. Взрывом достало всех. Что его проткнул длинный осколок, Тарсес осознал тогда гораздо позже.

— Модерати, у тебя кровь, — сказал сенсоры Нарлер. Это было смешно, потому что сам Нарлер к тому времени сам истекал кровью, прижимая к груди обрубок руки.

— О! — откликнулся модерати Тарсес.

Как вчера.

Холод. Холодный металл и холодная кожа. Холодные осколки стекла хрустят под ногами. Смертельный холод. Бодрствующая «Виктрикс» была такой живой. Сам металл был живым: живое существо, машина, титан.

Перед полетом БМУ перекрыли и погрузили в спячку. Его можно и нужно оживить, но боль останется.

На плитах палубы темнело пятно — здесь Гилок, фамулюс, умер так страшно и так внезапно. Тарсес взгляделся. Отметина была похожа на ржавчину.

Оба они.

Тарсес сел в свое кресло, чувствуя, как хрустят под ним кусочки бронестекла.

Керхер. Магоса органос звали Керхер. Они пришли пробудить его, а он был уже мертв.

— Зейн, — позвал Лау, — ты здесь?

Через задний люк на мостик «Виктрикс» взобрался глава скитариев Легио Инвикта. Разбитое

стекло захрустело под тяжелыми сапогами.

— Я здесь, — ответил Тарсес, медленно поднимаясь с кресла. Он глянул через пространство мостика на Лау. — Значит, ты? Не Борман?

Лау кивнул. Массивное бронированное существо, облаченное в агрессивные цвета пехоты, предназначенные угрожать и ужасать. Оружейная рука спокойно опущена вниз.

— Зейн, мне очень жаль, — сказал Лау. Его голос грохотал из аугмиттеров, словно товарный поезд на спуске.

Тарсес вздохнул и поднялся к нему по ступеням мостика.

— Мне тоже. Я сожалею о своих действиях, конечно. И понимаю, что за ними следует.

Тарсес опустился перед Лау на колени, хрустнув осколками стекла, и запрокинул голову.

— Об одном прошу, Лау: только чтобы быстро.

— Встань, — произнес Лау.

— Что?

— Встань, Зейн.

Тарсес поднялся и поднял глаза на чудовищного скитария.

— Стандартное наказание — смерть, Лау. Я понимаю это. И принимаю. Я надеялся, что Борман окажет любезность прикончить меня, но, видно, он не захотел марать руки. Давай покончим с этим побыстрее. Заряжай свою руку и стреляй.

— Зейн, Зейн, — покачал головой Лау, протянул левую руку — ту, что не была сращена с оружием, — и положил Тарсесу на плечо. — На этот раз ты натворил дел по-настоящему.

— Я знаю.

— Но ты нужен нам: «Виктрикс» должна пойти снова.

Тарсес фыркнул:

— Без принцепса или фамулюса, миропомазанного на его место?

— «Виктрикс» должна пойти снова.

Тарсес покачал головой.

— Скауген мертв, Трон помоги мне, и его ученик убит. Солиум тоже. Нет никого...

— Кузница Ореста обещала предоставить кандидатуру. Мы справимся.

— Значит... «Виктрикс» пойдет под началом другого. Хорошо. Я доволен. Она пойдет без меня.

— Геархарт приказал закрыть глаза на твое преступление, — произнес Лау.

— Что? — переспросил Тарсес.

Лау глянул на него сверху вниз:

— Приказал закрыть глаза. «Виктрикс» нужен ее модерати. Сейчас неподходящее время. Обвинения отложены.

— Я убил его, — сказал Тарсес.

— В момент сильного душевного волнения, — кивнул Лау. — Магос органос...

— Керхер, — подсказал Тарсес.

— Что?

— Магоса органос звали Керхер.

— Я этого не знал, — сказал Лау.

— Не желая? — переспросил Тарсес. — Вы считаете, что принцепс Скауген, мой принцепс, убежал от жизни, словно трус?

— Я этого не говорил, модерати, — ответил Керхер.

— Вы сказали, что в стазисе он потерял желание жить, что он ушел из жизни, не желая больше

чувствовать боль смертного существования. Мой начальник Скауген не был трусом! Он бы не сдался вот так!

— Модерати! Я... — магос органос — Керхер, Керхер — подавился словами, когда Тарсес схватил его за горло.

— Ты оскорбил его имя, ты, жалкий ублюдок! — рычал Тарсес, усиливая давление.

— Это было убийство: преступление, караемое смертью, — сказал Лау. — Но обстоятельства позволяют дать отсрочку, хоть и небольшую. Вот почему здесь я, а не Борман. Легио понимает, что ты потерял голову от горя. Это смягчает наказание.

— Я убил его.

— Да, убил, Зейн.

— Ну так казни меня. Я безжалостно прикончил магоса.

— Да, прикончил.

— Его звали Керхер.

Лау вздохнул.

— «Виктрикс» починят. Ей дадут нового принцепса и нового техножреца. Тебе придется войти в этот экипаж. Ты модерати. Мы не можем себе позволить потерять и тебя тоже. Ты знаешь махину, она знает тебя. Ты должен облегчить новому принцепсу слияние. Никто этого больше не сможет.

— Но я убил человека.

Лау пожал плечами.

— Когда эта война закончится, мы постараемся загладить вину. Наказание может подождать. Борман передал мне, что смертный приговор остается на усмотрение твоего нового принцепса.

— Я так устал, — произнес Тарсес.

— Конечно, устал, — согласился Лау. — Потеря принцепса никому не давалась легко. Он не должен был умереть во сне.

— Он вообще не должен был умереть, — поправил Тарсес.

Но он умер.

Они пришли пробудить его — и нашли его мертвым.

>

— Если мне дозволено будет сказать, мамзель!..

— Что?! — переспросила Северин, прикладывая ладонь к уху. Огромные церемониальные горны на вершинах улья и главного зиккурата Кузницы снова затрубили. Оглушительный рев покатился по улью, перекрывая слова Готча, как крупнотоннажный посадочный модуль над головой перекрывал солнечный свет.

— Если мне дозволено будет сказать, мамзель, зрелище еще то! — повторил Готч.

— Это так, майор, — согласилась она.

С парапета Заветных садов, рядом с корпусами Муниторума, им были видны внутренние террасы середины улья, улицы и провалы, колокольни и пилоны, штабели и шпили, вся целиком площадь Киодра и Марсово поле, за которым темным утесом возвышался бастион Высокой Кузницы. Его детали скрадывало расстояние и бесцеремонно перекрытый свет. К западу от них вздымалась вершина Ореста Принципала — гора огней, откуда в кои-то веки лучи вечернего солнца ушли раньше.

Огромный посадочный модуль завис менее чем в километре над самыми высокими шпилями улья, вызывая жгучее недоверие своей массой и пренебрежением гравитацией. Из открытых в днище трюмов падали столбы неяркого света, мягкого, как отблеск луны. Крановые суда — огромные, как целые ульевые штабели, но крошечные на фоне корабля-матки — медленно сновали в воздухе, переправляя свой массивный груз на Марсово поле. Они двигались, словно улитки по стеклу: тягуче, будто прилипая к воздуху.

— Как он там висит? — вслух поинтересовался Готч.

— Я притворюсь, что это был риторический вопрос, майор, — откликнулась Северин.

Готч кивнул.

— Вот и хорошо, потому что я не смогла бы на него ответить.

По всему улью, на каждой башне и кампаниле, трезвонили колокола, но не зловеще, как перед войной. Это был ликующий благовест. Прибыл Легио Инвикта.

Казалось, все население огромного улья высыпало на улицы, чтобы увидеть и отпраздновать этот момент. Этта Северин отмечала, как растет толпа внизу, забивая провалы и авеню, террасы акведуков, каждый балкон и подходящее для наблюдения место, восторженно шумя, рукоплеща, размахивая флагами и знаменами: кто — самодельными, сшитыми ради такого случая, кто — почтительно развернутыми старинными символами имперского и орестского величия.

Народные массы были усеяны вкраплениями красного. Служители Механикус появлялись из своих фабрикаториев в ошеломляющих количествах, смешиваясь с гражданским населением и приветствуя избавление.

— Вон еще один, — заметил Готч, указывая на восточную часть небосвода.

В дымчатой синеве вечернего неба, за границами улья, из-под края огромного посадочного модуля над головой, Северин увидела второй сверхтяжелый корабль в сорока километрах отсюда. Бледный призрак, похожий на вытянутую дневную луну, висел в ожидании своей очереди подойти к улью, как только уйдет первый модуль.

Горны зазвучали снова, вызвав очередной рев наблюдающей толпы, который покатился, меняя высоту звука, с улицы на улицу, через весь улей. Войсковые транспорты, крошечные по сравнению с крановыми судами-трудягами и их громоздким грузом, начали опускаться на Марсово поле из трюмов модуля.

— Пехота, — произнес Готч.

— Скитарии, — поправила Северин.

— Они самые, — кивнул Готч. — Не похожи на Гвардию, я слышал. Не простые солдаты. Все напичканы железом и бионикой.

— Ты сам никогда их не видел? — спросила Северин.

Готч пожал плечами.

— Видел пару раз, конечно. Если живешь тут, то поневоле увидишь. На парадах, на церемониях, всякое такое. Но ни послужить, ни повоевать вместе не доводилось.

— Здесь у них будет возможность показать, чего они стоят на самом деле, не так ли, майор? — спросил она.

Он засопел.

— Здесь у каждого будет возможность показать, чего он стоит на самом деле, мамзель.

Северин посмотрела на часы. Он опаздывал, но жаловаться ей было, в общем, не на что. Они договорились о встрече через курьеров, и он вроде бы согласился безо всяких колебаний, что она приняла за добрый знак. Место встречи — Заветные сады — выбрал он. Она прекрасно понимала почему, и это не из-за зрелища. Экзекутор-фециал решил поиграть в игры с самого начала. Она прокляла про себя бессмертную душу губернатора Алеутона за то, что тот взвалил эту тягостную обязанность на ее плечи.

Северин набрала в грудь воздуха и испробовала один из своих мысленных приемов, чтобы успокоиться, — но безуспешно. Она чувствовала себя неготовой. Потратила два дня, изучая протоколы, архивы и выжимки отчетов, пытаясь добавить что-нибудь к тому, что уже знала о Механикус и их обычаях. Но поняла лишь, как мало знает Империиум, если говорить честно. «Механикус — отдельная раса», — сказал Алеутон.

— Без шуток, — прошептала она.

— Мамзель? — спросил Готч.

— Ничего. Неважно. Я просто разговаривала сама с собой.

Все файлы, все данные доказывали, что есть не только те вещи, о которых она не знала, но и те, о которых она не знала, что она не знала.

— Нет, мамзель, — подтолкнул ее Готч. — Я в смысле... он здесь.

Глотнув от неожиданности воздуха — вдох перешел в неловкий кашель, который с трудом удалось сдержать, — она обернулась.

Экзекутор-фециал приближался к ним через окутанные сумерками лужайки Заветных садов. Он был поразительно высок и беспощадно красив, со скулами словно из-под резца скульптора и короткими серебряными волосами. Облаченный в мантию цвета сажки, он шел длинным элегантным шагом танцора, совсем не похожий на слугу Механикуса, совсем не похожий. Выдавал его только изумрудный отсвет в глазах.

Его сопровождал худощавый бритоголовый юноша с невыносимо умными голубыми глазами. Юноша, ростом значительно ниже экзекутора, был также одет в черное. «Его фамулюс. Это, скорее всего, его фамулюс, — подумала Северин. — Зонне. Фамулюс — это ученик или адепт-стажер».

Экзекутор, заметив ее, улыбнулся. Теплая человеческая улыбка удивила Северин даже больше,

чем все остальное.

— Как я выгляжу? — шепнула она уголком рта Готчу, разглаживая на боках свое простое серое платье.

— Как я выгляжу, мамзель? — задал встречный вопрос он.

Удивленная, она перевела взгляд на Готча. Ритуальным доспехам, в которых встретил ее двумя днями ранее, он предпочел боевое облачение. Массивную фигуру обтягивал матово-коричневый облегающий комбинезон с ремнями цвета хаки. Кожаные сапоги и краги туго зашнурованы. Формованный шлем, наподобие кадийского, застегнут под подбородком, в ручищах — матово-черный хеллган.

— Ты выглядишь... впечатляюще, — ответила она.

— Отлично. Вы выглядите еще более впечатляюще, чем я.

Северин опустила веки.

— Благодарю.

Готч кивнул и улыбнулся. Из-за шрама в форме подковы улыбка вышла немного кривой.

— Тогда мы вроде в порядке? — проговорил он.

Северин, вновь обретя уверенность, повернулась к приближающемуся экзекутору. И наскоро оживила в памяти все, что смогла о нем собрать.

Джаред Крузий. Экзекутор-фециал Легио Инвикта. По пути на Саббатский фронт с Бельтранской кампании. Сорок девять боевых махин плюс скитарии. Скитарии; не скатии. Не забудь, как это произносится, Трона ради. Его фамулюса зовут Зонне. Инвикта — древний легио, весьма уважаемый. Обязанность Крузия — подготавливать почву. Он посол, устроитель. Специализируется на взаимодействии с имперцами. Принцепса максимус Легио Инвикта зовут Геархарт. Сорок девять махин. Произведены на мире-Кузнице Проксим, недалеко от центральных миров Империиума. Инвикта — древний легио, весьма уважаемый. Сорок девять махин. Его зовут Джаред Крузий...

— Мамзель, меня зовут Джаред Крузий. Я приношу свои извинения за опоздание.

Его голос звучал гораздо мягче, чем она представляла.

Плотский голос. Они называют это «плотский голос».

— Экзекутор, — ответила Северин, склоняя голову, и уверенно сплела пальцы в знамение шестерни. Однако тут же обнаружила, что экзекутор приветствует ее знаменiem аквилы.

Улыбка Крузия стала шире.

— Как в игре. Камень-ножницы-бумага.

Вспыхнув, Северин разняла руки.

— Я не хотел проявить неуважение, — извинился Крузий. — По моему опыту, немногие имперцы могут сложить символ Механикус без вымученной неловкости. Вы, должно быть, практиковались.

— Да, это так, — кивнула она.

— Позвольте выразить вам свою искреннюю благодарность. Мало кто этим себя утруждает.

— Вам же нет необходимости извиняться за задержку, экзекутор. Я пока любовалась видом.

Крузий поднял взгляд на модуль, заслонивший небо, и проследил за неторопливым спуском последнего кранового судна. На мгновение в его глазах блеснула зелень.

— Могу понять почему. Именно поэтому я выбрал Заветные сады местом нашей встречи.

Она кивнула. Ну да, конечно.

И начала:

— Я Генриетта Северин, консульский работник первого класса, прикомандирована к Торговой службе Муниторума Ореста. Это мой телохранитель, майор...

— Замуаль Готч, Орестская Гордая, на текущий момент — лейб-гвардеец губернатора. — Крузий учтиво приблизился к майору и протянул руку. Готч в ответ пожал ее так осторожно, словно ему дали подержаться за что-то необыкновенное. — Восемь наград за отвагу, включая Императорскую медаль, — продолжал Крузий. — Я должен как-нибудь услышать эту историю, майор, если вы не против.

— Да, сэр, в любое время, — ответил Готч, отступая на место.

— Это... — начал Крузий, поворачиваясь к своему спутнику.

— Ваш фамулюс, Зонне, — опередила его Северин.

Она кивнула юноше, который ответил полным достоинства поклоном.

— Что ж, — усмехнулся Крузий, — пожалуй, пора закончить игру «у кого больше информации». Потому что, уверяю вас, мамзель, победа будет за мной.

— В самом деле? — спросила Северин, натянуто улыбаясь.

— В самом деле, — кивнул Крузий. — Я должен обращаться к вам «консуляр Северин», но в неофициальной обстановке, если до этого дойдет, я буду называть вас Этта, так как это уменьшительное имя вы предпочитаете. Вы родились в субулье Антиум сорок восемь лет назад, но выглядите, могу вам сказать, максимум на двадцать пять. Ваш отец был владельцем флота с хартией, действующей внутри окраинных регионов. В семье он проявлял насилие. Умер восемь лет назад от болезни, вызванной пагубным пристрастием. Ваша мать до сих пор живет в Антиуме. Хлорис Ровина Северин. Как ее бедро? Она страдает ревматизмом. Аугментика привела бы ее в порядок.

— Моя мать... чувствует себя хорошо, — произнесла Северин, поджав губы.

— Это прекрасно. Мы пришли к взаимопониманию?

Северин кивнула.

— Мне не очень нравятся ваши манеры, сэр.

Крузий нахмурился.

— Прошу меня простить. Это вышло ненамеренно. Я просто хотел показать широту своих информационных возможностей.

— Тут ты себя превзошел, — пробурчал Готч.

— Веди себя прилично! — прошипела ему Северин.

— Мой наставник бывает иногда слишком прямолинеен, леди, — вмешался Зонне. — Он никого не хотел оскорбить. Мы, Механикус, привыкли загружать персональные данные непосредственно. Вместо... ммм... как это слово, экзекутор?

— Светская беседа, — ответил Крузий.

— Ах да. Я инкантирую термин в свой словарный каталог. Мы непривычны к светской беседе, леди. Вы как-то подключены к ноосфере?

— Нет, — ответила Северин.

— Каким-то образом форматированы для загрузки данных?

— Нет, — ответила Северин более жестко.

Зонне посмотрел на своего учителя:

— Поправка: боюсь, мы с самого начала произвели неправильное впечатление.

Крузий кивнул и обернулся к Северин:

— Этта... могу я называть вас Этта?

— Нет, на хрен, не можешь! — зарычал Готч.

Крузий не обратил на него никакого внимания.

— Я понимаю, для чего все это затеяно. Лорд-губернатор обеспокоен. Война Механикус, которую ведут Механикус на мире, которым должен править он. Поэтому он прислал вас ко мне наблюдателем от своего имени. Умный выбор: женщина, не из военных.

— Похоже, вы нас раскусили, сэр, — сказала Северин.

— Я одобряю ваше присутствие, — произнес Крузий, отворачиваясь к крановым судам, ползущим по воздуху.

— Одобряете?

— Мы вместе в этом опасном предприятии: Империиум и Механикус. Мы рождены вместе, росли вместе, и Империиум — ничто, если мы не будем вместе теперь. Легио Инвикта не держит зла на лорда-губернатора за желание пошпионить за нами. Смотрите! Наблюдайте за нашей работой! Собственно, присылайте больше Этт Северин. Вы отправитесь со мной, и я покажу вам все, Этта. Все! Вы готовы?

Она кивнула.

— Я нахожу вашу позицию неожиданной, Джаред. Могу я называть вас Джаред? — добавила она ехидно.

— Конечно.

Она слегка склонила голову.

— Я знаю, почему вы решили встретиться со мной здесь.

— В самом деле? И почему?

— Заветные сады. Разбиты во втором столетии существования Ореста в память о негласном союзе Кузницы и Империи. Ваш намек понят.

— Мой намек? — переспросил Крузий. — И на что же я намекал?

— Вы хотели напомнить мне, что интересы Империи и Механикус всегда сходятся, особенно во время войны.

Крузий улыбнулся и покачал головой.

— Я просто предложил место с эффектным видом на происходящее. Никакой двусмысленности в выборе не было. Только вид, который оно открывает на улей. Машины так велики, когда смотришь на них вблизи. Я хотел, чтобы вы посмотрели на них с более подходящего расстояния.

— В самом деле?

— Более чем. Смотрите.

Северин повернулась. Вдали, за ульем, титаны становились в ряд на Марсовом поле, куда их спускали крановые суда. Восемь штук. Похоже на небольшой почетный караул, стоящий по стойке смирно, словно солдаты в шеренге, только размеры — не сравнить.

Но они не были людьми. Они были гигантскими конструктами, грубо напоминающими людей.

— Инвикта высаживается, — произнес Крузий. — Не хотите ли взглянуть на них поближе, Этта?

— Хочу, — ответила она.

— Я и не знала, что тебя зовут Замуаль, — шепнула она Готчу, идя к лестнице вслед за Крузием.

— Вы никогда и не спрашивали, — ответил он.

>

Что-то происходило. Снова звонили колокола. В Саду Достойных, под Канцелярией, модерати Цинк выпрямился, сидя на корточках, и бросил свое занятие. Небольшая корзина рядом с ним была полна выполотых с клумбы сорняков.

Сумерки наступили рано, и звонили колокола. На улицах за стенами сада Цинк слышал звуки движущейся толпы, радостные крики, гомон, песни. Горны улья ревели. Над краем стены проплывали развевающиеся флаги.

Сегодня что, праздник? Уже Сретение? Цинк не был уверен и не мог вспомнить. Может быть, кто-нибудь придет и скажет. Они часто так делают, когда у него начинает мутиться в голове.

Он поднялся, негнувшийся и шаткий, и понес корзину с сорняками к мусоросжигателю за будкой. Ноги двигались с трудом, плечи мерно ходили из стороны в сторону, словно боевая машина неуклонно шагала к своей цели. Сумерки превратили сад в холодное и мрачное место. Куда делось солнце?

Цинк посмотрел вверх, пытаясь его найти. Нечто заняло все небо — огромная тень с квадратными дырами, из которых падали столбы божественного света.

Горны улья заревели снова.

Цинк не мог подыскать названия для штуки, занявшей небо, но знал, что уже видел такую раньше. Она заставила его затрепетать, но не внушающим страх видом, а из-за осколков воспоминаний, которые породила в его поврежденной голове.

Из запавших глаз Цинка необъяснимо брызнули слезы. Узловатые руки помимо воли вспомнили старую привычку и сложились в знамение шестерни.

Толпы заполнили Перпендикуляр и прогулочные площади под Конгрессом. Вдоль Бастионов до самой площади Киодра выстроились ликующие миллионные колонны, восторженно провожая процессию прелата экуменика Министории Ореста. Процессия величественно шествовала от Базилики к Марсову полю, чтобы поприветствовать и благословить прибывающего принцепса Легио Инвикта. Из шагающей кареты толпе помахивал прелат Гаспар Луциул. Его сопровождала свита из тысячи жрецов и двух тысяч еkkлезиархальных служителей — река из

позолоченных ряс, пурпурного бархата, меховых оторочек и серебряных посохов со сверкающими белыми берегами из министорских копейщиков и алебардщиков. Плеяда охранных серафимов скользила над кавалькадой, по такому случаю неся в руках длинные, струящиеся флаги Экклезиархии.

Повсюду, развернутые с балконов жилых домов и вывешенные на фасадах государственных зданий, развевались и колыхались знамена и стяги: аквилы, шестерни, эмблемы Гвардии и Флота, аскетичные символы Муниторума, цветистые вымпелы торговых домов, публичные плакаты, гордо отмечающие различные службы и профессии улья, дворянские гербы, причудливые узоры ремесленных гильдий и торговых ассоциаций, напыщенные символы коллегий и академических сообществ и даже мрачные, вселяющие ужас штандарты ордосов Ореста.

На восемьдесят восьмом уровне коммерции, как в любой другой торговой точке улья сейчас, лавки остались открытыми и вечером, после обычного времени окончания торговли. Перекрестки и переулки, освещенные нефтовыми факелами, были битком набиты гуляками — уже пьяными и только еще жаждущими напиться, захлестнувшими таверны и столовые, покупающими сувениры, безделушки, талисманы, жетоны с религиозными высказываниями, кулоны с гербом Ореста, маленькие оловянные аквилы, значки орестских полков, обереги, подарки на память, камешки на счастье, амулеты на удачу. В «Анатомете» Манфред Цембер едва не хохотал во весь голос, продав двадцать девятого за день игрушечного титана. Он заказал мелкому механику с западного конца коммерции большую партию по своим чертежам: сто штук — рискованное вложение. Если бы игрушки не продались, он никогда бы не смог расплатиться с механиком, а городские бейлифы забрали бы «Анатомету» и отправили его в долговую тюрьму.

Надо было заказать больше. Двадцать девять игрушек меньше чем за пять часов принесли ему больше, чем он обычно зарабатывал в квартал. Он уже мог полностью расплатиться с механиком, заказать еще пятьдесят игрушек, и в кубышке у него еще остались бы деньги.

— Они просто изумительны, — воскликнул очередной покупатель, прямо как лорд-губернатор деду Цембера шестьдесят лет назад. Как изменились времена. — Можно посмотреть, как он ходит? — попросил покупатель.

— Конечно, сэр, — ответил Цембер, взял «Владыку войны» и повернул ключ у него на спине.

Трррк! Трррк! Трррк!

Он пустил игрушку по прилавку.

Покупатель захлопал.

— Я беру два! — решил он. — Очень искусные штуковины! Вы, наверное, из Кузницы, сэр?

Цембер поклонился.

— Я лишь скромный игрушечник, сэр, — ответил он. — Вы слишком великодушны, делая мне такой комплимент.

— Значит, два. По одному каждому сыну. Еще пара лет — и они станут достаточно взрослыми, чтобы записаться в резерв третьей очереди.

— Вы наверняка очень гордитесь ими, сэр? — произнес Цембер.

— Это точно. Значит, два. Я решил — два. Вон того синего «Разбойника» и темно-красного «Владыку войны», который вот ходит перед нами.

— Вам завернуть? — спросил Манфред Цембер.

Стефан Замстак закрыл дверь своей маленькой квартирке и запер замок. Слышать шум было невыносимо. Весь Мейкполь гудел от топота и голосов. Улей сошел с ума, и он знал, что галдеж продлится далеко за полночь.

Стефан отработал полторы смены. Начальник приказал очистить грузовые палубы порта, чтобы освободить место для снаряжения, прибывающего с новым легио. Изматывающая работа: ни поболтать, ни передохнуть, таскайся с одного конца причала на другой, тягай туда-сюда рычаги сипящей гидравлики погрузчика, подбирая и перетаскивая ящики. Свободное пространство скоро будет в большой цене.

Большая часть его товарищей вместе с Гарнетом и Хомульком закончила смену и отправилась в бары и таверны праздновать. Райнхарт одарил каждого серебряным флорином и улыбкой.

— Отлично поработали сегодня! Выпейте за победу за мой счет, парни. Слыхал что-нибудь? — спросил он у Стефана.

— Ничего, — ответил Стефан.

Ничего.

В маленькой квартирке было холодно, но Стефан не хотел зажигать обогреватель. Жилище было таким маленьким, но без нее оно стало просто огромным. Уведомление — пластинка с сообщением в пакете из фольги — опять находилось на пластековом столике в общей комнате, видимо походя поднятое и положенное на место Калли, рядом со стопкой невымытых чашек и половинкой полбового батона, уже голубого от плесени.

Ничего. Она ушла уже несколько дней назад, а он даже не знал ни где она, никогда он увидит

ее снова, ни жива ли она вообще. Стефан думал о ней: о ее улыбке, о звуке ее голоса, о переливе ее коротких светлых волос, о запахе ее тела, о вкусе ее губ, о спокойствии ее прикосновений, о маленьком золотом колесике.

Усталый и дрожащий, он опустился на колени перед домашним алтарем, осенил себя знамением двуглавого орла и с почтением поднял глаза на хрупкий бронзовый символ. Букетик цветов в бутылочке завял.

Стефан начал молиться Богу-Императору, прося о спасении, прося дать сил, прося за Калли, где бы она ни была.

Снаружи в коридоре гуляки принялись орать и петь, стучать в двери, мешая ему сосредоточиться на молитве.

Он в ярости вскочил и замолотил кулаками изнутри в запертую дверь:

— Заткнитесь! Заткнитесь, ублюдки! Оставьте меня в покое!

Но из-за громкого шума его никто не услышал.

В Аналитике было почти тихо, слышалось лишь гудение работающих систем и жужжание когитаторов. Несмотря на празднества снаружи и позволение магоса, большинство из девятисот адептов и логисов добровольно остались на своих рабочих местах.

Адепт Файст пометил последний из переданных ему в качестве образцов пикт-блоков как «не поддающийся расшифровке» и сбросил его. Голова гудела, полная картинок, за возможность забыть которые он отдал бы несколько своих высококлассных модификаций.

Манипулятор мягко коснулся его рукава. Файст поднял голову.

— Магос?

Иган улыбался ему, глядя сверху вниз.

— Порицание: что я вам сказал, адепт? — доброжелательно поинтересовался он.

— Время от времени делать перерыв, магос?

Иган кивнул.

— Согласие. Ваш клубок ноосферы загружен под завязку. Я боюсь за кору вашего мозга, Файст.

Прогуляйтесь, если не ради вашего, то хотя бы ради моего спасения. Предложение: почему бы вам не уступить и не позволить другому занять ваше место? Идите на улицу и полюбуйте церемонией. Или хотя бы посмотрите ее отсюда.

Файст кивнул.

— Вот и хорошо, — произнес Иган и повернулся, собираясь уйти.

— Магос? — окликнул его Файст.

— Да, Файст?

— Мое предложение рассмотрено, магос?

— Пока нет, Файст. Я выгрузил запрос напрямую адепту сеньорус и экзекутору-фециалу, попросив их дать свои комментарии. В ответ я пока ничего не получил. Вероятно, сейчас они очень заняты.

Файст усмехнулся:

— Это логичное предположение, магос.

— Даже если они согласятся, адепт, процесс может потребовать времени. Нужно будет получить разрешения и кодовые права. Доступ к секвестированным материалам закрыт не без оснований.

— Конечно.

Иган кивнул, его механодендриты извивались, словно мантия из змей.

— Если мы получим разрешение, я назначу на это вас в качестве руководителя группы. Для вас это будет повышением, полагаю.

— Я рад, магос.

— Вы это заслужили. Шаг на пути к модификации магоса. Ваш усердный труд и проницательность должны быть вознаграждены. А теперь отдохните, пожалуйста. Хотя бы минуту.

Файст повернулся к своему гололиту. Его пальцы затанцевали, гаптически закрывая рабочие досье и сдвигая их на боковые поля. Он подключился к прямой передаче государственного

пикт-канала. На всю его ноосферу распустилось трехмерное изображение: Марсово поле в прямом эфире, возбужденные миллионы, поющие, ликующие. Смена точки обзора: знамена, развевающиеся над рядами имперских гвардейцев. Смена точки обзора: темная шеренга титанов — титанов Легио Инвикта, выстроившихся, словно бронированная стена, слишком высокая для восприятия через ограниченное поле зрения пикта — лишь ноги, похожие на стволы гигантских деревьев; с невидимых для камеры орудийных конечностей свисают военные флаги: обозначения типов, триумфальные знамена, вымпелы с числом побед. Смена точки обзора: прелат экуменик — за своей возвышенной механической кафедрой, с распростертыми руками поющий псалом призыва; позади него — хор из тысячи клириков. Смена точки обзора: лорд-губернатор Алеутон, окруженный лейб-гвардейцами с высокими плюмажами, рядом с адептом сеньорус собирается поприветствовать прибывших.

— Аудио, — произнес Файст.

Хлынули звуки. Оглушительный шум возбужденной толпы, рев горнов Кузницы, колокола, готовые лопнуть от звона, голоса, множество голосов, огромное множество нарастающих голосов.

— Приглушить звук, — произнес Файст и двинул пальцем. Смена точки обзора: ракурс, нацеленный на огромный модуль, затмивший небо. Десантный корабль, шипастый и бронированный, скользнул в фокус изображения на ослепительных струях обратной тяги. — Показать, — приказал Файст.

Корабль сел в центре открытого поля, подрагивая на гидравлических опорах. Церемониальный ковер сбило низовым потоком воздуха, и гвардейцы, пригнув головы, бросились расправлять его обратно. На борту массивного корабля красовалась эмблема Легио Инвикта. Ждущая толпа взорвалась восторженными криками и свистом.

Боковой люк десантного корабля с лязгом распахнулся. Лепестки цветов и конфетти наполняли воздух, похожие на снежную метель или помехи на плохом пикт-канале.

Неторопливо и величественно, бок о бок, появились амниотические раки лорда Геархарта и первого принцепса Бормана в сопровождении десятков адептов и скитариев. Адепты Легио Инвикта в дамастовых мантиях вели вертикально стоящие раки при помощи механодендритов и жезлов-манипуляторов. Скитарии — напоминание о прошлых, более жестоких временах — угрожающие зверюги, исполосованные рубцами. Их доспехи были созданы ради неприкрытой угрозы. Их гены были селекционированы ради мышечной массы. Мускулистые руки блестели в неровном свете. Тяжелые сапоги глухо топали в унисон. Оружейные конечности одновременно взметнулись вверх, салютуя. Плюмажи из перьев, украшения из слоновой кости, накидки из леопардовых шкур, модифицированные клыки. Скитарии взревели, задрав головы к небу, словно стая хищников. Грозностью и зверским видом они бы могли поспорить даже с Космическими Волками.

Файст передернул плечами. Скитарии грохнули кулаками в нагрудники и заревели снова. «Варвары, — подумал Файст. — Так непохожие на нас самих. Как мы могли родиться из одного материала? Они словно другой расы».

Очередной рев — настолько оглушительный, что аудио-регуляторы на канале Файста автоматически среагировали и убавили звук.

Файст переключил вид обратно на Геархарта и Бормана. Их амниотические раки скользили вперед на суспензорных опорах, ведомые стайкой адептов. Оба они были обнажены, являя сочетание великолепной плоти и бионики, величественно плывя в своих информационно-жидкостных мирах, словно два бога. Их предплечья и кисти, голени и ступни охватывало густое переплетение штекерных проводов, соединяющихся с внутренней поверхностью рак. Амниотическая жидкость была нежно-розовой от крови. Из глаз и кожи головы змеились магистральные кабели и имплантаты, извиваясь и подрагивая в вязкой жидкости. Тело Геархарта было бионическим на шестьдесят процентов, Бормана — на сорок два. Файст залюбовался сложностью работы, мастерством, сделавшим из них монстров.

Ибо монстрами они, несомненно, и были.

Обе раки из бронестекла были усеяны амниотическими штекерами, готовыми к работе. Разъемы в головах могучих махин ждали их включения. Ждали мучительно, бездыханно.

Геархарт открыл рот.

— Аудио выше, — приказал Файст.

— Лорд-губернатор Импералис Поул Элик Алеутон, адепт сеньорус Механици Соломан Имануал! — Глубокий голос из аугмиттеров Геархарта напоминал плутонический рокот умирающего солнца. — Легио Инвикта приветствует вас!

Алеутон поклонился и сплел пальцы в знамение Механикус. Имануал также поклонился и осенил себя знамением аквилы.

Геархарт издал одобрительное ворчание.

— Знайте же теперь, — пророкотал он, — что Легио Инвикта здесь! Знайте же теперь, что Легио Инвикта пойдет по Оресту!

>

На шоссе Фиделис, ведущее из субулья Гинекс на юго-запад, с ржавого неба тек дождь, похожий на слюну. Субулей за спиной походил на масляно-черный скелет из балок и дерриков, шпилей и штабелей. Они все еще шли через прилегающие к субулью районы перерабатывающих предприятий и вспомогательных хранилищ, что окружали Гинекс, запущенные дальние пригороды и заводы-спутники. Слева от шоссе горели обогатительные заводы, наполняя воздух горячим нефтехимическим смрадом, от которого резало глаза и першило в горле. Справа гигантскими железными ведрами возвышались громоздкие

плавильни и горнорудные фабрики. Огонь с очистительных заводов отражался в дождевой воде, заполнившей воронки и дыры в дорожном покрытии. Где-то на юге повалило ветряные дамбы, и из Астроблемы летел песок, засыпая дорогу и заноса канавы словно цветным снегом.

Калли Замстак узнала песок, узнала его персиково-розовый оттенок. Ей нравились тренировки резерва СПО там, в Астроблеме. Все эти походы, карты, стрельбы, игры в поиск и обезвреживание. Для нее это было приключением в дикой пустыне разбитой планеты: ставить жилпалатки под огромным куполом ночного неба, учиться ориентироваться по незнакомым звездам, охотиться на песчаных кроликов на ужин, слушать простые истории простых жителей улья, как раз таких, как она сама. Однажды, во время последней вылазки, ее взвод встретил вассальное племя на марше, прямо за первой линией утесов, возникших в результате удара метеорита. Мобильные проспекторы, ездовые краулеры и барханные тракторы, тянущие за собой прицепы-жилища на больших гусеницах. Следом брели на привязи длинные вереницы грязного домашнего скота. Самодельные знамена, выбеленные солнцем и пылью, выцветшие одежды, изношенные респираторы, превращенные в языческие маски-пугала. Дикари. Для Калли они были самыми чуждыми существами, каких она когда-либо встречала в этих персиково-розовых пустошах под потрясающе синим небом — в стране, которой сама не принадлежала.

Взвод держался настороженно. Мистер Сарош, их сержант-ветеран, объяснил, что это прекрасная возможность повторить на практике процедуры остановки и досмотра. Они приблизились и окликнули неторопливо идущий караван. Мужчины отозвались гортанными криками и попрыгали с остановившихся машин, размахивая лазмушкетами и посохами. Мистер Сарош поговорил с их вождями. Напряженный момент ожидания, затем — гостеприимное приветствие. Ритуальный обмен водой и алкоголем, тосты и рукопожатия — этикет суровой пустыни. Каждый был обязан отпить глоток жгучей самодельной выпивки и поделиться глотком амасека из пайка. Потом начался обмен: имперские монеты — на антрацитовые бусы и полированные ископаемые раковины; форменный противопесчаный платок — на пояс из выделанной кожи; таблетки для обеззараживания воды — на неограниченные самоцветы и камни; комплект жилпалатки — на красивый молитвенный воздушный змей.

Они досматривали повозки, отсек за отсеком, стараясь быть вежливыми и ненавязчивыми. В отсеках было темно — экраны против солнца натянуты, занавеси против пыли опущены. В повозках пахло специями, жарой, разогретыми, пыльными телами, но не грязью или болезнями, как боялась Калли. Интерьеры жилищ, освещаемые подвесными промлампами, были изумительно декорированы бронзой, богатыми тканями и потрясающей резьбой по дереву. Инкрустация и облицовка блестели старинным лаком. Серебряные чайники с длинными носиками в виде лебединых шей булькали на угольных печках, распространяя сладкий и густой аромат. Женщины в длинных одеяниях, укутанные в покрывала так, что видны были лишь глаза, прижимали к груди младенцев, настороженно глядя, как чистые, одетые в одинаковую форму резервисты СПО обходят повозки. С верхних полок и из кладовых под досками пола со смесью страха и любопытства выглядывали дети. «Это мы здесь чужие», — осознала Калли.

К ней подошла женщина, с головы до пят закутанная в пурпурный шелк, в прорезь которого смотрели темно-карие глаза, и заговорила тихим, но настойчивым голосом. Она показывала на серебряную аквилу, которую Калли носила на шее. Стеф купил для нее этот талисман в ночь

перед тем, как они отправились с Кастрии на Орест.

Женщина показала Калли золотой медальон — небольшое замысловатое колесико из темного золота на золотой же цепочке. Более прекрасной вещи Калли никогда не видела.

— Она хочет поменяться, Замстак, — подсказал мистер Сарош. — Всегда меняйся. Не зли их.

Калли замешкалась. Стеф подарил ей эту аквилу — талисман на счастье. Она была уверена, что он поймет, но...

— В чем задержка, Замстак? — спросил мистер Сарош.

Калли объяснила свое нежелание меняться.

Мистер Сарош посмотрел на золотой медальон, который предлагала женщина.

— Это просто «на счастье» на другом языке, — сказал он Калли.

Она осторожно сняла серебряную аквилу и поменялась. Женщина поспешно, но благодарно обняла ее, а затем навсегда пропала в сумраке отсека.

С тех пор Калли носила на шее золотое колесико.

Когда она вернулась домой, обратно в маленькую квартирку в Мейкполе, Стеф не возражал.

— Почти чистое золото. И стоит малость побольше, чем тот двуглавый орел, что я тебе подарил, — восхитился он.

Ее выкладка, скатка постели и ботинки были полны персиково-розового песка и его едкого графитового запаха — наследие Астроблемы, напоминание о ее приключениях.

И вот, идя по израненному шоссе, Калли снова встретила этот песок, уныло струящийся из окружающей тьмы. Она ощутила во влажном воздухе тот же едкий графитовый запах и почувствовала, как воспоминания о счастливых днях больно колотят изнутри, словно лазерные выстрелы. Все те приключения — те безобидные приключения тогда, в рядах резерва СПО, — означали веселье, учения, чувство товарищества и каждый раз — возвращение после недельного отсутствия домой, к Стефу, в маленькую квартирку в Мейкполе. Он тогда готовил ужин, медленно и устало — после смены. Обнял ее своими большими руками, поцеловал и хрипло шепнул: «С возвращением».

— Чем это пахнет? — спросил он.

— Да просто пыль. Пропитала всю одежду. Везде пролезает.

— Хорошо пахнет. По-настоящему.

Приключения. Сейчас даже упоминание о них казалось смехотворным. Настоящее приключение было здесь, все остальное — лишь репетиция. Так она и сказала Голле. Та рассмеялась:

— Калли-детка, это и не было приключением. Просто учения резерва третьей очереди в Астроблеме.

— Но...

— Послушай Голлу, сестренка. Когда случаются приключения, настоящие приключения, это никогда не бывает весело.

Их отправили из Принципала в Гинекс — Мобилизованную двадцать шестую: четыре взвода под командованием мастер-сержанта по имени Чайн. Его Калли прежде не встречала. Мистера Сароша понизили до командира взвода. Легкая пехота — ни тяжелого вооружения, ни артиллерии, если не считать одной-единственной автопушки, которую тащил расчет из третьего взвода. Знакомых лиц было немного: Голла, конечно; Биндерман, похожий на птицу учитель из схолы, — он был с ними, когда они встретили то племя; крутая баба из Лазаря по имени Рейсс; Иоган Фарик; Франц Альфред Кох, косоглазый и упорно требующий, чтобы его нелепое имя всегда произносили полностью; Бон Иконис; Герхарт Пельцер; богатенькая девочка из Верхограда, чье имя Калли никак не могла вспомнить — Дженни, Джейни, что ли? — Кирил Антик, которому нравилось изображать из себя шута; Ларс Вульк, здоровенный бугай с Бастионов, который все пытался убедить остальных, что он — «дурная кувалда», хотя на самом деле был младшим работником в булочной; Кевн Шардин, портной; Озрик Малдин, идиот с Конгресса, который так катастрофически облажался с установкой жилпалатки на их первых учениях в Астроблеме, что стал всеобщим посмешищем, и несколько других.

Остальные были незнакомыми, но все они оказались в этом вместе с ней.

— Привал окончен! — крикнул мастер-сержант Чайн. — Давайте, давайте! Подтягивайтесь!

Калли в это время незаметно ускользнула в дождевую канаву пописать. Она услышала крик мастер-сержанта, сидя на корточках со спущенными штанами на дне канавы, и изо всех сил постаралась быстрее опорожнить мочевой пузырь.

— Давайте! Давайте!

— Ты что там делаешь внизу? — позвала Голла. — Калли-детка?

— Писаю! — крикнула в ответ Калли. — Прикрой меня!

— Писаю! — захихикал Кирил Антик, словно услышал остроумную шутку.

— Равнение на середину, Двадцать шестая! — донесся крик мастер-сержанта Чайна.

Всё, всё. Калли натянула штаны, застегнула ремень и начала карабкаться по склону, тщетно пытаясь уцепиться за розовый песок. Так легко соскользнув в канаву, Калли и не представляла себе, как трудно будет выбраться наверх. Начиная паниковать, она принялась трамбовать руками осыпающийся песок. В нос ударил едкий графитовый запах, песок забился под ногти.

Черт. О черт!

Метр по склону вверх — и обратно вниз. Снова метр вверх, и снова вниз.

О черт!

— Двадцать шестая, провести переключку! — скомандовал Чайн.

Один за другим резервисты начали откликаться.

«Я застряла! Я застряла здесь, внизу! Помогите, я застряла в дождевой канаве!» — хотелось закричать Калли. Но как это будет выглядеть? И чем это закончится? Офицеры СПО обладали комиссарскими полномочиями. Чайн, убогая скотина, точно прострелит ей башку.

— Где Замстак? — крикнул Чайн. — Куда она делась?

Тишина. Калли снова попыталась выкарабкаться, но съехала обратно, туда, откуда начала.

Послышался отклик Голлы:

— Где Замстак? — крикнул Чайн. — Куда она делась?

Тишина. Калли снова попыталась выкарабкаться, но съехала обратно, туда, откуда начала.

Послышался отклик Голлы:

— Сэр, рядовая Замстак отошла облегчиться, сэр!

— Что? — донесся вопрос мастер-сержанта.

— Сэр, облегчиться, сэр!

— Отлить, что ли?

— Так точно, сэр!

Раздался смешок Антика.

— Хватить ржать, весельчак! — рявкнул мастер-сержант.

— Сэр, виноват, мастер-сержант, сэр!

Пауза.

— Мобилизованная двадцать шестая, вы просто кучка идиотов, — слышался недовольный голос Чайна. — Вы не имеете понятия даже о порядке, не говоря уж о правилах.

Тридцать девять голосов ответили:

— Виноват, мастер-сержант!

— Найти рядовую Замстак и привести ее ко мне, — приказал Чайн. — И меня не интересует, закончила она мочиться или нет! Привести ее ко мне немедленно! Я, на хрен, покажу вам, что значит дисциплина!

— Мастер-сержант, прошу вас, — раздался голос.

Сарош. Это мистер Сарош.

— Что такое, Сарош?

— Это не опытные солдаты, мастер-сержант. Это резерв СПО третьей очереди. Они стараются, как могут. Дайте им немного времени научиться. Если молодой девушке, такой как Калли Замстак, нужно облегчиться, лучше ей это позволить, а не наказывать. Эти люди не жалеют своих жизней, чтобы защитить улей, но они не из Гвардии, как вы. Вы должны дать им некоторое время научиться.

Долгое молчание, прерываемое лишь шумом ветра и ревом далеких горнов Гинекса.

— Ты закончил, Сарош? — спросил Чайн.

— Так точно, мастер-сержант.

Раздался хлесткий звук удара — мозолистой ладонью по лицу.

— Какого хрена, Сарош, ты смеешь указывать мне, как руководить отрядом?

— Виноват, мастер-сержант.

Калли попыталась забраться наверх ползком — так точно получится — но нет, не получилось.

— Я скажу вам, дебилы, что я собираюсь сделать, — начал Чайн. — Я собираюсь...

Раздался хлесткий звук удара — словно мозолистой ладонью по лицу. Только на этом удар не остановился. Он прошел сквозь жир, плоть, кости, зубы. Кто-то завопил.

Воздух над шоссе внезапно наполнился визгом лазерных выстрелов. Калли свалилась обратно в канаву и инстинктивно свернулась в клубок.

Она слышала, как выстрелы раз за разом пробивают кого-то насквозь, и каждый раз вздрагивала и скулила. Попадания лазера в тело издавали звуки, пугающе не похожие на попадания в асфальт или роккрит. Звуки влажных шлепков, звуки разлетающихся брызг, звуки шипящего мяса. Мобилизованная двадцать шестая орала. Одни вопили в панике, но большинство исходили криком боли. Боли и смерти.

Сжавшись на дне канавы, обхватив голову руками, Калли слышала и другие звуки: пневматический цокот бронированных ног и маниакальный треск бинарного кода из механических ртов — безумный и частый, словно кудахчущий смех.

Небо над канавой вспыхнуло яростным лазерным огнем. Сверху полетел песок, брызги и комья грязи. Рядом с ней в канаву сыпались тела — кто ползком, кто кувырком. Некоторые падали прямо на нее. Калли увидела Голлу Улдану, Биндермана, беспорядочно загребающего тощими ногами, крутую бабу из Лазаря по имени Рейсс.

Никакого порядка, только мельтешение трясущихся конечностей и плачущие вопли. Люди падали, натыкались друг на друга, пытаясь бежать в противоположные стороны. Биндерман едва поднялся на ноги, как сверху скатился Ларс Вульк и сбил его обратно на землю.

— Туда! Бегом! Туда! — услышала Калли крик Сароша и увидела, как тот съезжает к ним по склону. Его лицо и перед куртки были мокрыми от крови. Он показывал куда-то вдоль канавы. — Туда! На ноги — и бегом со всей мочи!

Сначала ползком, потом с трудом поднимаясь, потом бегом, пригнув головы, — они помчались

туда, куда указал мистер Сарош, — куда бы ни вела эта канава, лишь бы подальше отсюда.

Калли Замстак бежала. К своему стыду, она бежала, словно испуганный ребенок. Розовый песок набился в глаза, в рот; на языке — едкий привкус.

Кто-то впереди нее, кто-то сзади — бежали все. Ни строя, ни дисциплины — только безумное бегство. Она потеряла из виду Голлу. Сзади продолжали стрелять; частые очереди лазерных установок врага — каждый выстрел словно щелчок кнута, и время от времени — ответный треск стрелкового оружия СПО.

Через полкилометра канава обмелела, и они рванули вразнобой по открытой пустоши, поросшей пучками террасника и соломянки, прочь от шоссе, к руинам взорванного обогатительного комплекса. Пустошь была усыпана кусками металлического лома, и несколько человек упали, споткнувшись кто об отрезок разбитой трубы, кто о кусок покрытия, невидимый под стеблями соломянки.

Калли достигла крайних строений комплекса, похожих на лес из покореженных труб и обугленных остовов. Индустриальные скелеты, отмечающие, где находились отдельные здания и подстанции, — дома-призраки, строения-зомби. Металл тех каркасов, что еще стояли, побелел от сгоревших химикатов и теперь шелушился, словно перхоть. В воздухе висел странный, сухой запах, как будто кипятили отбеливатель.

Она заметила впереди толстую железную трубу, словно спиленное дерево, торчащую из подземного трубопровода, подбежала и спряталась за ней. Ноги дрожали; она была на грани гипервентиляции. Слышался стук барабана — оказалось, это стучит ее собственное сердце.

Стало очень тихо. Время от времени тишину нарушал кто-то бегущий мимо — подальше в развалины. Калли подняла голову и открыла глаза.

В руках она все еще сжимала свое оружие — лазвинтовку МК2-ск: укороченная форма, булл-пап, батарея тип-3 позади рукоятки, интегральный прицел, крепления для штыка и гранатомета. «Вот так, правильно, сконцентрируйся на чем-нибудь знакомом». Очень медленно — руки тряслись неимоверно — она сунула палец за рукоятку и переключила оружие в боевой режим. На боковой накладке загорелся зеленый огонек.

Затем — и только затем — она огляделась.

Из ее укрытия было видно всю пустошь до самой дороги. Шоссе Фиделис уходило на северо-восток — широкое, покрытое выбоинами и пустое. Небо было похоже на горящие угли. Сквозь дымку и рваную пелену дождя вдали смутно вырисовывался субулей Гинекс.

Где-то в полукилометре от нее, на дороге, где отдыхала Мобилизованная двадцать шестая, и где Калли сошла с шоссе в канаву, чтобы облегчиться, что-то горело: небольшие костры, разбросанные по дороге, яркое пламя и клубы черного дыма. Она подняла оружие, чтобы

взглянуть через интегральный прицел. Руки все еще тряслись. Потребовалась минута, чтобы собраться.

Изображение поплыло, размытое, — затем четкое. Потрескивающее пламя. Калли двинула увеличение. Изображение поплыло — снова четкое. Кострами были горящие тела. Почерневшие, жутко скрюченные, пугающе уменьшившиеся, десятки человеческих трупов валялись на дороге и горели. Калли сдержала всхлип. Ни одного из них невозможно было узнать. Части экипировки, шлемы, выпавшее оружие, подсумки жалостливо раскиданы по простреленному роккриту.

Ни единого следа того, что перебило их, вообще ни единого следа того, что заставило ее бежать в ужасе, словно ребенка.

Она опустила прицел, но, заметив движение, тут же снова вскинула оружие. Изображение поплыло. Что она только что видела? Что-то двигалось, что-то...

И тут появились убийцы. Их скрывал отвратительный дым горящих трупов. Убийцы снова двинулись, направляясь к ее позиции. Было это простым совпадением или их сенсоры засекли убегающие остатки Двадцать шестой?

Их было шестеро. Калли с трудом удерживала их в фокусе — и с таким же трудом удерживала себя от паники. Без сомнения, это были, как назвал их инструктор СПО на сборном пункте, «сервиторы, используемые в военных целях». «Похожи на тяжеловооруженных жуков», — невольно воскликнула тогда Голла. «Таракатанки!» — сострил Кирил Антик, работая на публику и надеясь прослыть взводным шутником. Никто не засмеялся.

Штуки в фокусе прицела Калли не слишком походили на гололитические образцы, которые показывал инструктор. Его пикты изображали результат соединения собранных данных и впечатлений Тактики в виде нелепых шагающих платформ, увенчанных оружейными установками, которые, казалось, вот-вот перевесят тело. Легкая мишень для плоских шуток Антика.

А эти штуки были кошмарами. Массивные, обтекаемые, сидящие на четырех насекомых ногах. Металлические конечности подпирали тяжелый, блестящий абдомен, одетый в панцирную броню. Вертикально расположенный торс нес по два спаренных оружейных контейнера вместо рук — отвратительная геометрия ишиопага. У них были лица — головы с лицами, поднятые высоко, гордо и вызывающе. Лица представляли собой злобные маски из золота и серебра — застывшие на них улыбки настолько пугали, что Калли бросило в дрожь. Куски рваных цепей и колючей проволоки украшали темно-красные обтекатели, словно триумфальные гирлянды. С шасси свисали ожерелья из белых и бежевых бусин. Калли приблизила изображение — и судорожно втянула воздух. Бусинами служили человеческие черепа и фрагменты костей. Когда боевые сервиторы — таракатанки! — шли, омерзительные подвески раскачивались. Насекомьи ноги высокомерно вышагивали по дороге, не обращая внимания на горящие трупы, иногда наступая на них или отшвыривая. Трупы откатывались, разбрасывая клубы искр.

На телах приближающихся таракатанков были какие-то знаки или инсигнии. Калли навела прицел на один из них и...

Ее вырвало сильно — струей. Безудержные рвотные спазмы и приступы не прекращались, пока она не упала на четвереньки, задыхаясь, с опустошенным желудком, горячей глоткой и мокрыми от слюны губами.

Калли Замстак издала стон. Сплюнула, вытерла рот, снова сплюнула и поднялась. Руки дрожали. Она едва держала оружие.

— Голла! — осторожно позвала она. — Голла!

Голла Улдана нашлась неподалеку, за лесом из шелушащихся труб. Рядом с ней сжались Бон Иконис, Кирил Антик, Ларс Вульк — здоровенный бугай с Бастионов — и несколько остальных, все измученные и потрясенные.

— Они мертвы. Они все мертвы! — скулил Антик.

Голла посмотрела на него с презрением и процедила:

— Заткнись, сучонок.

Она повернулась и увидела Калли, бредущую мимо зданий-зомби обогатительного завода к сжавшейся кучке уцелевших.

— Калли-детка! Ты в порядке?

Калли кивнула, прекрасно зная, что перед куртки у нее заляпан рвотой, а изо рта несет кислятиной.

— Нужно уходить, — сказала она Голле.

— Но они все мертвы! — запричитал Антик. — Мастер-сержант! Фарик! Долбаный косоглазый Кох! Пельцер! Шардин! Я видел, как он упал! У него голова прямо лопнула, Трон сохрани! Прямо лопнула! Идиот Малдин тоже! Бум! Вот так! Бум!

— Антик, прошу: заткнись, — сказала Калли.

У нее за спиной, почти заглушенные шумом ветра, заревели горны субулья Гинекс.

— Нам в самом деле нужно уходить, — сказала Калли. — За нами идут бое... таракатанки.

Антик против воли прыснул.

— Я иду с ней, — сказала крутая баба из Лазаря по имени Рейсс, вставая.

— Замстак знает, что делает, — подтвердил Биндерман, поднимаясь на ноги.

— Не знаю я, правда, — возразила Калли. — Я только знаю, что нам нужно уходить. Давайте вставайте. Уходим.

— Тебя кто главной назначил? — спросила богатенькая девочка из Верхограда.

— Никто, — ответила Калли. — Как тебя зовут?

Богатенькая девочка запнулась.

— Дженни Вирмак.

— Нужно уходить, Дженни, — терпеливо повторила ей Калли. — Здесь оставаться нельзя. Таракатанки идут. Нам нужно найти укрытие.

Выжившие поднялись на ноги и потянулись вслед за Калли через обгорелые развалины завода.

— Кто-нибудь видел мистера Сароша? — окликнула она через плечо остальных.

— Ну я его видела. Обе его половины, — ответила Дженни Вирмак. — Могу я теперь пойти домой?

<http://tl.rulate.ru/book/30591/660382>